

Владимир ВИННИКОВ. Захар, в 2010 году в издательстве "Молодая гвардия" в знаменитой серии "Жизнь замечательных людей" вышла ваша биография Леонида Максимовича Леонова. В предисловии вы указываете, что эту идею подсказал вам Дмитрий Львович Быков в 2005 году. Получается, что от замысла до воплощения прошло не более пяти лет. Между тем, собранный для книги материал — огромный, чувствуется, что за каждым предложением стоит большая и кропотливая работа, и, наверное, далеко не всё из "раскопанного" вами вошло в опубликованный текст. То есть вы несколько лет своей жизни всерьёз занимались феноменом Леонова, даже если учитывать вклад тех людей, которые вам помогали в процессе работы. В чём заключался личный, как принято сейчас говорить, вызов для вас, и насколько, по вашему внутреннему ощущению, вы сумели на него ответить? "Леоновская" тема уже закрыта для Захара Прилепина, или же она каким-то образом подолгается и сегодня? Скажем, на Донбассе или в работе Русского художественного союза, одним из инициаторов создания которого вы являетесь?

Захар ПРИЛЕПИН. Пять лет — вполне серьёзный срок для такой работы, тем более что, во-первых, я достаточно быстро пишу, а во-вторых, в те годы я уже имел материальные возможности, чтобы несколько месяцев краду заниматься чем-то одним — в данном случае Леоновым. То есть, по факту — я не работал ни над чем другим и на работу не ходил. Помощников у меня не было.

О вызове я не думал — просто был влюблён в прозу Леонова, в самом лучшем смысле зачарован его судьбой, его образом мышления, его купеческой устойчивостью, его игрой со временем и собственной биографией, его стоицизмом пессимизмом.

И я был по-настоящему счастлив, когда писал о нём. Я точно знал, что делаю очень важную работу.

С тех пор я Леонова почти не перечитывал; но я до сих пор помню тот абсолютный восторг, когда я раз семь, наверное, перечитывал "Дорогу на океан". Я обязательно ещё буду перечитывать "Пирамиду" — очень важный в моей жизни текст, не прочитанный толком до сих пор широким, как это называется, кругом читателей. Но писать о Леонове — едва ли буду. Я издал его собрание сочинений — лучшее из написанных Леонидом Максимовичем и несколько неизданных вещей: поэму, повесть, дневники, которые никто не читал. Ни одной рецензии на собрание не было, удивительно! Я подготовил новое издание его биографии, там сотни портреты мелких вставок и правок. Вот на этом уровне возможно возвращение к Леонову. Основной свой долг ему я отдал.

На Донбассе точно не до Леонова — по крайней мере, мне.

А РХС — ну, быть может, мы запустим какой-то проект по возвращению огромных мастеров, которых в силу тех или иных причин не оценили в полной мере. Хорошая идея, да.

Владимир ВИННИКОВ. В начале 30-х годов прошлого века в отечественной культуре, включая литературу, произошёл важный перелом, последствия которого во многом сказываются и поныне. Речь идёт о почти полной национализации коммуникативных каналов советского общества. Далеко не все авторы сумели без потерь пережить эту ситуацию, а многие — даже просто её пережить, хотя для некоторых эти новые условия оказались идеальными. Можно ли сказать, что Леонид Леонов — как и Михаил Шолохов — относится к тому типу художников, которые в каком-то смысле оказались больше своей эпохи, а потому не столько им пришлось изменять себя под "канал имени Сталина", сколько параметры этого канала менялись под их формат? Насколько это обстоятельство

Одной из фундаментальных и весьма прискорбных характеристик современной отечественной культуры стала "утрата берегов", потеря той "координатной сетки", которая, при всех её недостатках, обеспечивала непрерывное системное развитие, всемирное значение и признание советского способа бытия во всех его проявлениях. Впрочем, подобный кризис культуры в мировой истории происходит далеко не впервые, но, чтобы выйти из него, необходимо, во-первых, назвать ситуацию по имени: кризисом, а не свободой, и, во-вторых, заново обрести и расставить утраченные ориентиры, что ставит своей целью проект "Дневники писателей"

Захар ПРИЛЕПИН: «...ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ В РУССКИЙ КОСМОС»

О феномене Леонида ЛЕОНОВА
с одним из лидеров современной русской литературы
беседует культуролог Владимир ВИННИКОВ

было включено в ту "огромную игру", которую Леонид Максимович, по вашему утверждению, вёл в 30-е—50-е годы с "отцом народов"? Какие культурные и общественные силы он представлял? Что, на ваш взгляд, заставляло товарища Сталина не просто мириться с существованием писателя Леонова, но и воспринимать его всерьёз?

Захар ПРИЛЕПИН. Сталин, думаю, осознавал масштаб — и Леонова, и Шолохова, и Булгакова, и Пастернака, и Алексея Толстого. Он, при всём своём интуитивном чутье на вес и значение литератора, мог не понимать технических капризов вещей — именно поэтому сошлся с Пастернаком о Мандельштаме, именно поэтому пропустил гений Павла Васильева, и вся эта история с Васильевым закончилась ужасно, но... В случае с Леоновым Сталин предпочёл довериться даже не мнению Горького (Горький прямо сказал Сталину, что Леонов вполне отвечает за всю русскую литературу, в каком-то смысле назначил его своим преемником) — а, опять же, интуитивному ощущению огромности леоновского потенциала.

Ведь Леонов в 30-е годы работал так, как никогда потом. В 20-е у него был практически вертикальный взлёт: горсть гениальных рассказов, несколько великопеленных повестей — тоже, кстати, едва прочитанных, многообещающие, хотя ещё сыроватые "Барсуки", потом "Вор" и следом, уже с перехлёстом куда-то в стратосферу, "Соть", менее удачный, но с блистательными кусками "Скутаревский" и — вершина! — "Дорога на Океан".

Сталин все романы Леонова 30-х годов читал и прекрасно осознавал, как всё это масштабно выглядит на фоне иных подделок. Масштаб он ценил. На леоновские заготовки внимания не обращал, мог элементарно просто не заметить, что у Леонова все болшевики бесплодны — у них детей нет! Или что в "Соти" — на великой стройке — первой жертвой был маленький ребёнок, девочка. Платонов, правда, Сталин таких шуток не прости. Но Платонов наглядно юродствовал. А Леонов — он таким серьёзным казался, таким убедительным, таким суровым, таким тяжёлым. Соразмерным эпохе и задачам. А мрачный его, без улыбки, юмор — у Сталина был такой же мрачный, без улыбки, юмор.

Рискну сказать так: в Леонове была некая даже не бесчеловечность, а вневчеловечность. С самого начала. Сталин, опять же, не отдавая себе в этом отчёт, на уровне сугубо интуитивном, искал себе оправдания в мире дохристианском. Леонов во многом, конечно, оттуда. По Леонову — Христос пришёл, но не справился. Сталин в такие подробности не вдавался, но что-то чувствовать мог.

Сталин жил в мире сплассавых сплассовый просто за неимением другого. Он предпочёл бы, наверное, что-то из мира айтеков, инков — или то, что нам Мэл Гибсон изобразил в картине "Апокалипсис". У Леонова описание сталинской Москвы 30-х годов тоже всё время норовит превратиться из булгаковского театра и цирка в умопомрачающий гигантизм.

Сталин не хотел, чтоб было смешно. Он хотел, чтоб было огромно и страшно. Чтоб всё было больше человека, больше человеческого. Вот как у Леонова.

Владимир ВИННИКОВ. В своей биографии Леонида Леонова вы сделали весьма ощутимый акцент на его мизантропии, но показав, что это вовсе не проявление неприятия писателем рода людского, а следствие любви его к неким высшим источникам нашего бытия: Богу ли, Природе ли? — про которые люди часто забывают и с которыми себя в должной мере не соотносят. Так ли это? Насколько понятно, приемлема и близка вам подобная позиция в жизни и творчестве?

Захар ПРИЛЕПИН. Мне подобная позиция не близка — просто по-человечески, вне того, что мой

скромный дар и огромный дар Леонова несопоставимы, — я нахожу, что мы с ним абсолютно разные. Я люблю детей, такой почти женской любовью, я немножко сентиментален, я люблю свою женщину, я не буду стесняться об этом говорить, я душевно открыт в куда большей степени, чем большинство моих коллег по ремеслу, я не очень люблю — в своей писательской работе — все эти леоновские "заковыки", хотя, собственно, тоже умею их делать и в "Чёрной обезьяне" это показал. Роман этот сравнивали, просто господа, с Пелевиным — но это лишь потому, что люди ни черта не читают. Роман этот весь из Леонова вырос.

Но в моём мире Христос справился, Христос защитит, мир прекрасен, и всё вокруг меня ликует от счастья. А у Леонова в первых же, архаичных периодах, стихах, достаточно плохих, и в первых же — сразу невозможно хороших — рассказах была одна тема: человек — ошибка, человек у Бога не получился.

При всём том, что сам Леонов был — что твой купеческий Леонардо: всё умел делать руками, рисовал, лепил, сад создал необычайный, физически был очень силен — и вот в столь воспитательно созданным образом был такой мрачный и ровный надрыл. По сути, есенинская, периода "Москвы кабацкой", печаль о недорванном русском человеке или неприязнь Горького к крестьянству — всё это сущая ерунда на фоне того, как Леонов относился к людям. Леонов людей считал глиной никёмной.

Кактусы свои он ценил несколько больше, он в них не сомневался. Он хотел видеть перед собой чуть более укоренённые во времени и более последовательные образы.

Хотя людей жалел, конечно, как их же жалеть? Таких ломких...

Владимир ВИННИКОВ. Есть ли у Леонова произведение, которое оказало наибольшее сущностное и личностное воздействие на Захара Прилепина — или же для вас важнее "мир Леонова" в целом?

Захар ПРИЛЕПИН. Есть то, что у Леонова мне не нравится — это его роман "Русский лес" и несколько художных пьес, просто ужасающих. Повесть "Взятие Великошумска" — ну, не его уровня, хотя не провал. Просто советская повесть.

Я про "Русский лес" триста раз на всех углах говорил, что этот роман в каком-то смысле похоронил Леонова как великого художника в восприятии читателей. Потому что все читали именно этот роман. А надо читать, скажем, "Необыкновенные рассказы о мужиках" — и сразу станет ясно, что перед нами мастер чеховского уровня.

Но нет, вот уже лет десять, как люди, которые жаждут как-то сделать мне приятно, приходят и говорят: я с вашей подачи начал читать Леонова, "Русский лес".

Люди добрые, не было у меня такой подачи! Читайте с моей подачи хотя бы повесть Леонова "Evgenia Ivanovna". Вам сразу станет понятно, что перед вами волшебник.

Мне нравятся все три варианта "Вора", конечно. Их три, а не два, как принято думать. Причём второй вариант куда более радикальный, чем первый, — а то все поверили Александру Исаевичу Солженицыну, в пробы написавшему, что Леонов своего "Вора" образца 1927 года после войны приписал в угоду советской власти. Как же, как же, у нас один Солженицын смелый, остальные все приписывались...

В общем, нет, всё ровно наоборот: "Вор" с каждой переработкой становился всё злее и тяжелее.

К "Пирамиде" слова "нравится, не нравится" вообще не применимы, это как сказать "мне нравится пирамида Хеопса" или "мне нравится Ветхий Завет, хорошо написан". "Пирамида" — нечеловеческий текст.

Как читатель я более всего люблю "Дорогу на Океан". Наряду с несколькими романами Газданова, мне кажется этот роман совершенно волшебным. Самым волшебным в моей жизни.

Владимир ВИННИКОВ. "Русский лес" — в какой степени этот леоновский роман для вас является "русским", в какой, по используемому вами определению, — "безнадёжно советским", а в какой, если можно так выразиться, — "всемирно-историческим"?

Захар ПРИЛЕПИН. Это исторический документ. В каком-то смысле — "идеальный роман эпохи соцреализма". С одной стороны, он очень полезен был в определённом историческом контексте — в конце концов, с этого романа фактически началась экология в СССР как таковая. С другой, никогда Леонов настолько не правил себя, свою суть, как в этой книге. Он поступился несколько большим, чем следовало бы. Я не говорю, что он где-то там что-то приврал — нет. В первую очередь, интонационно этот роман мне кажется ложным. Хотя отличные куски там тоже есть, и леоновский дар, конечно, зрим и там.

Владимир ВИННИКОВ. Около сорока лет Леонид Леонов работал над своей "Пирамидой" — произведением, жанр которого из-за его п-мерного, выходящего далеко за рамки привычного нам реальности хронолога можно определить как "гиперроман-симплекс". Что это, на ваш взгляд: прообраз "литературы будущего", некий "неуместный артефакт" или нечто иное?

Захар ПРИЛЕПИН. Это и первое, и второе, и что-то третье сразу. Литература будущего, конечно же, такой не будет, хотя... Выглядит он сегодня как неуместный артефакт, но...

Вы видите, сколько у нас молодых людей ходят с бородами? Они желают стать как бы старше, они в Средневековье стремятся, хотя возвыситься над собой, хотя усложнить себя. Есть один шанс из миллиона, что их работа однажды пойдёт не по внешнему пути, а по внутреннему. Русский юноша, начав отращать свою бороду, вдруг подумает: что за ерунда я занимаюсь? лучше пойду возьму "Слово о полку Игореве", житие Аввакума, стихи Державина, "Пирамиду" Леонова — и прочитаю.

Это путешествие будет покуче всех властелиновых колец, матриц, кастенд, козля, ранних фильмов Арнофски и чего угодно ещё. В том числе и потому, что это путешествие внутри собственного кроветочка, выводящего тебя ровно в русский космос, а не в какие-то канализационные трубы, которые закрутили для тебя узлами всякие прохиндеи.

Владимир ВИННИКОВ. Как сказал однажды Корней Чуковский, "в России надо жить долго". Леонид Максимович Леонов прожил 95 лет и лично видел всех, кто правил нашей страной за эти годы, от Николая II до Бориса Ельцина, то есть, можно сказать, временной масштаб "леоновской" России — с конца XIX до конца XX столетия. Но вот Александр Сергеевич Пушкин был убит на дуэли в 37 лет, Сергей Александрович Есенин прожил 30 лет, Михаил Юрьевич Лермонтов вообще был убит неполных 27 лет от роду... Что такое время для писателя? Как вы ощущаете время, и насколько это ваше ощущение можно соотносить с леоновским?

Захар ПРИЛЕПИН. Кто-то в России должен был прожить долгую жизнь. В конце концов, Лев Николаевич Толстой примерно в эту сторону двигался, и если б не известные события, Леонов не был бы в этом смысле одинок. Было бы у нас два гениальных долгожителя.

Впрочем, в XIX веке уже были крупные художники, которые прожили долго: 93 года Фёдор Глинка — а он воевал, а он сидел в казематах. 86 лет Пётр Вяземский — а он похоронил почти всех своих детей юными, а он писал не менее пронзительные лирические стихи, чем Блок или Есенин...

Но я тут про другое подумал. Когда я писал роман о Соловецком лагере — "Обитель", уже под занавес работы я получил в подарок большой том "Соловки", где в самом начале книги шло перечисление, с фотографиями и краткими биографиями, всех мемуаристов, прошедших Соловки и описавших их.

И здесь я впервые обратил внимание, что из, условно говоря, ста людей, написавших о Соловках, 98 человек прожили от 85 до 95 лет. То есть если тебя Соловецкий лагерь не убил — тебе снос не будет.

Я подумал тогда, что Советская власть этот момент трагически упустила. Если б она не разбежалась и не ударила головой о стену — коммунистический период был бы ещё более долгий, чем романовский, потому что метафизический запас прочности был у неё огромно, неизмерим и со всеми этими детскими европейскими демократиями — не сопоставим.

Жизнь Леонова такая долгая потому, что он ничему уже удивляться не мог. Всё то, что сегодня вызывает у нас оторопь, печаль, бешенство, он воспринимал уже как-то иначе. Кстати, о материнской ладанке, которую Украина с Белоруссией и Россией разрубили топором на три части, он в 1991 году говорил — горько, но с тем самым леоновским суровым воспоминанием.

Сам же я о времени ничего не думаю. То есть я каждое утро просыпаюсь и каждый вечер засыпаю с уверенностью, что смерти нет. И её нет. Странным образом Леонов меня утверждает в этой мысли, а не разубеждает.

Николай ЗИНОВЬЕВ

***

Я своего совсем не помню деда,
Но в этом вовсе не моя вина.
Его взяла Великая Победа,
А если проще: отняла война.
Мы с братом на него

чуть-чуть похожи,
И правнук — тоже, хоть ещё малыш...
Не помню деда я совсем, — но, Боже! —
Кого в России этим удивишь?!

***

В который раз нам это слышать:
"Вновь у ворот стоит беда,
Сцепите зубы, надо выжить..."
О, русский Бог, а жить когда?!

КОМБАЙНЁР

В пыльной куртке из холстины,
В сапогах и пыльной кепке
Мягко прёнул из кабины
Человек большой и крепкий.

И триплицею в мазуте
Человек свои ручки
Тёр, не зная, что, по сути,
Нет у рук на свете чище

***

Бывают дни, дарованные свыше,
Когда на все гримасы суеты
Глядишь с пренебрежением —
так на крыши,

Должно быть, птицы
смотрят с высоты.

В подхваченные ветром занавески
Небесная сквозит голубизна,
И всё вокруг —
в каком-то влажном блеске,
Как будто в детстве, после сна.

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Опять бренчу задумчиво на pure
О том, как ночь в саду осеннем тает,
И словно человеку в этом мире,
Опять в стихах чего-то не хватает.

А если вдруг покажется: хватает,
То в самой албине души поэта
Толчас же возникает и витает
Мучительный вопрос: "Стихи ли это?"

***

"Один в поле не воин"
Поговорка

Привет, мои родные степи.
Я уходил от вас, родных,
Хотел я сбить с народа цепь,
Но сам он держится за них.

Он за сто лет так был напуган,
Что стал послушен, как овца.
Ослаб он телом, пал он духом,
И терпеливо ждёт конца.

И клонит шею он под игом,
И как будто нет спасения,
Но ярост последний Суд,
В котором воин и один...

***

"Наши не придут"
Андрей ШИГИН

Разведающая ложь
Пропитала все слои,
И уже не разберёшь,
Кто — чууже, кто — свои.

И последний одан редут,
И как будто нет спасения,
Но ярост последний Суд,
Наши все-таки придут —
Сразу после Воскресенья.

И Донской придёт, и Невский,
И Небесная все встает.
Самый древний, самый дерзкий
Ниспровержен будет тать.

СОВЕТСКИЙ ПОЭТ АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Выставка «Пушкин. 17.37». От революции до юбилея

"Хорошо у нас в Стране Советов.
Можно жить,
работать можно дружно.
Только вот поэтов,
к сожалению, нету —
впрочем,
может, это
и не нужно..."

Владимир МАЯКОВСКИЙ.
"Юбилейное"

ВОТ — АЗБУЧНОЕ, накрепко связанное с Владимиром Маяковским и его соратниками: "Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятные иероглифы. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого с Парохода Современности". Господа-футуристы и прочие плашатаи светлого-огневого будущего спешили жить, а потому кидались в крайности. Уже в "Юбилейном" стихотворении, написанном в 1924 году, поэт-революционер задумчиво беседует с Пушкиным, жалуетесь на жизнь, делитесь творческими планами, да и вообще: "Я теперь свободен от любви и от плакатов". Панбратство, граничащее с цинизмом. Маяковский и со светилом трепался, как с соседом по даче. А что — Пушкин? Тоже — рифмоплёт и тоже — гений. Существует голосное утверждение, что старорежимных пиитов и дворянскую культуру вернули только перед самой войной. Мол, отряхнули от пыли и пудры манишку да и прицепили её сознательному пролетариату, заставив бедолагу вальсировать в колёно-барочном ДК имени Пролеткульта и Клары Цеткин. Сюда же и брат-Пушкин — друг декабристов, певец юношеской волюнтарности. А как до этого? Красные кубы супрематизма плюс бешеный ритм Дзиги Вертова, дом-коммуна а-ля заматинские кошмары и "Синяя блуза" с кричалками-вопликами на площади. Всё сложнее, а Пушкин оставался... Пушкиным, несмотря на попытки сбросить его с парохода, паровоза и аэроплана. "Пушкин — это наше всё" — заявил когда-то Аполлон Григорьев, и наша история — советская в том числе — прекрасное тому подтверждение.

В Государственном музее А.С. Пушкина (ул. Пречистенка, 12/2) сейчас проходит выставка "Пушкин. 17.37". От революции до юбилея. Устроители сообщают, что экспозиция приурочена к столетию Великой Октябрьской социалистической революции. Основная мысль — показать, как менялось восприятие поэта на протяжении двадцати лет. Он предстал то бунтарём и возмутителем спокойствия, то хранителем русской старины. Он — мерило. Пример. Ориентир. Ему посвящались брошюры, фильмы, стихотворения. О нём с какой-то неутолённой женской страстью писали

Анна Ахматова и Марина Цветаева — не как о соратнике и коллеге, а едва ли не как о мужчине. Эпатажная Фаина Раневская говаривала: "Мogu честно признать — я сплю с Пушкиным... Я принимаю снотворное и думаю о Пушкине". Он спал актрису от разочарования и тоски. Полагаю, не только её одну. Советский мир невозможен без Пушкина; исследуя одну только пушкиншину, можно понять настроения общества как такового. На то он и гений, что всегда современен — то борется, то служит, то печалится вместе с нами. Николай Заболоцкий в работе "Язык Пушкина и современная поэзия" (1937) противопоставляет великого стихотворца — нынешним стихослагателям: "Когда читаешь Пушкина, в глаза бросается его удивительная скромность относительно своей собственной персоны. И как невыгодно отличаются в этом отношении от Пушкина наши современные стихи! Пушкин за полгода до своей гибели, как бы подводя итог своей гигантской творческой работы, написал знаменитые стихи "Я памятник воздвиг себе нерукотворный". При жизни поэта это стихотворение напечатано не было. Мы же ценим себя куда более основательно и, как бы боясь, что нас не оценят другие, торопимся обнародовать и раз навсегда зафиксировать свои победы и достижения". Рассказывали такой анекдот: конкурс на возведение памятника Пушкину выиграла композиция "Пушкин читает Сталина". Это — квинтэссенция. Доведение до абсурда. Пушкин сделается... советским. Ибо — наш. Во всём. В каждый момент бытия — от сказок в детском саду и стихов "Мороз и солнце — день чудесный..." до понимания, почему "Евгений Онегин" — энциклопедия русской жизни. Даже нынче. Даже — тогда, в красно-имперском СССР, где, казалось бы, сложно было постичь волнения девушки, начитавшейся Ричардсона и Руссо. В имени. Под расцвет крепостных девок. Правнучки жнецов и прах писали сочинения о Тане Лариной — мыслители ей равновеликими, а потом выводили романы под фортепиано.

В пролетарском государстве... не оказалось никакой пролетарской культуры. Её, безусловно, пытались создать, построить из футуристических слогов, эркеров конструктивизма, стихов о Кузнецком и людях Кузнецка. Из фантовых тарелок с портретом Карла Маркса. Из грёз Ивана Леонидова и агитком "Синей блузы". Но побеждало всё равно другое — начертанное в тиши родовых поместий или в перерывах между балами, приёмами, визитами к императору Николаю Павловичу — любимою самодержцу. Да-да. Именно — любимому. Быть может, раскрытому канованому, а иной раз — высьмянутому в приватном разговоре, но без сомнения — обожаемому.

Экспозиция выставки "Пушкин 17.37" — великолепная иллюстрация к работе философа-культуролога Владимира Паперного "Культура-2". Цивилизационное отличие 1920-х годов от сталинской эпохи видно невооружённым глазом — на уровне броских деталей и глубинной сути. Объединяющий фактор — Пушкин. Согласно теории Паперного, Культура-1 (постреволюционная эра на контрасте со сталинской Культурой-2) отмечена десакрализацией всего и вся. Мир виделся понятным и — физиологичным. Все высшие смыслы представлялись "в сплошной лихорадке буден". Будничность любой темы — всё можно обсуждать и анализировать. И бытие самого Пушкина — он тоже человек. Вот ребята знаменитого пушкиниста Павла Шёлголева. Весомо-грубо-зримо: "Пушкин и мужики" (1928). "Квартирная тжба Пушкина" (1929). "Материальный быт Пушкина" (1929)... Исследователю (и читателю!) 1920-х годов не было дело, что у Нашего Всего могли случаться квартирные тжбы. И — материальный быт. Пушкин — такой же, как мы: руки-ноги, разве что голова чуть получше устроена. Ровное и стерильно-медицинское отношение к половому вопросу — Шёлголев спокойно пишет о крепостной "любви" Александра Сергеевича: "Соблазнённую девушку, отосланную в Болдино, Пушкин называет "моей Эдой", но что общего между Эдой и девушкой из Михайловского, какие основания были у Пушкина для сравнения? Эда Баратынского — финка, отца простого дочь простая, блиставшая красой лица, души". И всё в том же стиле. Для пушкиниста 1920-х та пейзажна — обыденный предмет исследования. Другие авторы, чьи труды можно увидеть на выставке, столь же легко относятся к фигуре поэта. "Атеизм Пушкина" автора В. Рожицына, "Классовое самосознание Пушкина" социолога Д. Благого, "К вопросу о классовой сущности пушкинского творчества" пушкиноведа А. Грушина и прочие шедевры. Кстати, написаны все эти страшные опусы отнюдь не простонародным языком, хотя и предназначались для шир-нар-масс. Ощущение, что Пушкина препарируют, а сие было модно и — правильно в 1920-х.

Важная составляющая Культуры-1 — её нарицательная "временность" и... халтурность. Эпоха, живущая Будущим, не особо думает о настоящем — все представленные книги и вещицы 1920-х кажутся сделанными наспех. Плохая бумага, дрянные обложки, наляпанные иллюстрации, которые не спасает изумительный "революционный" шрифт. Зато — многообразие. Весь Пушкин — не подцензурный и открытый. Сегодня это покажется странным, но советская литература и пресса 1920-х годов считались самыми свободными в мире: издавались все запрещённые до революции тексты. Табуированные вопросы почти не наблюдались, что, разумеется, порождает

Рекламная афиша кинофильма «Поэт и царь» (1927)

тонны литературного шлака. Неслучайно Паперный считает Культуру-1 — открытой и всё впитывающей системой. Динамика! Фрагменты из фильма "Поэт и царь" (1927). Заполнощность эпохи — в каждом кадре и жесте.

Однако же Культура-1 всегда сменяется помпезной Культурой-2, стремящейся к устойчивости и — Вечности. К середине 1930-х годов сложился иной образ поэта. Нет — Поэта. Теперь никто не рылся в его интимной жизни — ибо кошунство! — а его бесконечные любовничьи отныне именовали "музами". Пушкина канонизировали. Беспрецедентный юбилей — столетие со дня смерти — отмечался с размахом и помпой, принятыми в зру Большого Стиля. Фотография торжественного заседания — бархатные шторы, портрет в обрамлении лавровых листьев, президиум функционеров. Барочный пафос и выверенность фраз. На плакате 1937 года (автор — Г.Клудис) начертано: "Слава великому русскому поэту!", и тут же — белокровые красавцы со светлыми улыбаками. Советский народ. Формо... лозунги про Ленина-Сталина. Культура-2 аккумулирует прошлое и будущее в одной яркой точке: Пушкин современен Сталину. Немыслимо рассуждать о бытовых сложностях четы Пушкин-Гончарова. Она — его Мадонна. Он — гений без греха и зазорники. Культура-2 сакрализует любое явление, проявление, устремление. Экранизация "Дубровского" (1936) — это не только борьба, это — воспоминание о барстве. Владимир — честный разбойник и предводитель крестьян? Да. Но беспримесный дворянин с соответствующей привычкой и манерой. При Сталине манеры — в чести. Куль-

ра-2 требует... культуры. Основательности. Куда подавались плохонькие издания? Только фолгианты и сказочные картинки, ибо всё делается по славу сияющей Вечности. Навсегда. Античный образец — даже статуэтка "Пушкин на диване" (1936) смахивает на этрусское надгробие с возлежащим патрицием. Восторженную оторопь вызывают афиши. "Пушкинский комитет завода №183 имени Коминтерна приглашает на юбилейный вечер". Что же это было за общество, где на заводе №183 имелся пушкинский комитет? Как станут его оценивать грядущие поколения, если, конечно, будут уметь читать? Пушкин — детям! Плакат "А.С. Пушкин: 1837 — 1937" (авторы — Бувей И., Иорданский Б., 1936) — румяные пионеры в окружении сказочных персонажей. Советский ребёнок живёт в мире сказки — она строится и возводится на его глазах, ибо мы рождены, чтоб сказку сделать былью. В 1920-х к сказкам и мифам относились пренебрежительно — это же всё неправда, беллиберда, вымысел, противоречащий законам природы. Культура-2 — иная, она ценит сказку в качестве... желанной реальности.

Двадцать лет русской истории — двадцать лет с Пушкиным. С нашим, советским, родным. Гений, талант никогда не бывает привязан к датам своей жизни — он остаётся в каждом из последующих мгновений. Что удивительного в том, что аристократ, чей предок "не торговал блинами" и "не чистил царских сапогов", сделавшись своим-родным для работяги с завода имени Коминтерна?...

Галина ИВАНКИНА